

Литературная ГОРНИЦА

Николай СТАРШИНОВ Тверская, 13. - 1996. - 7 марта - с. 5. Планета «Юлия Друнина»

воле родителей в 1942 году еще девочкой ушла на фронт, в пехоту. В самое трудное время. И в самый неблагоприятный род войск. «... Школьным вечером, / Хмурым летом, / Бросив

книги и карандаш, / Встала девочка с парты этой / И шагнула в сырой блиндаж».

После тяжелого ранения - осколок едва не перебил сонную артерию, прошел в двух миллиметрах - снова ушла на фронт добровольцем. Под обстрел, в холод и грязь. А ведь женщинам, особенно в пехоте, было во много

испытание временем - они по-прежнему волнуют, запоминаются. Они находят отклик в сердцах читателей. Это, в первую очередь, «Качается рожь несжатая», «Я только раз видала рукопашный», «Целовались, плакали и пели», «Зинка», «Штрафной батальон», «Не знаю, где я нежности училась». Они украсят любую военную антологию. Их можно отнести к самым высшим достижениям нашей военной поэзии. А стихи о любви, о природе, о дочери лиричны, конкретны, пользуются любовью у широкого круга читателей. В самом деле у нее множество самых разных почитателей.

Совсем недавно зашел я в издательство, где проработал двадцать лет. Поздоровался с дежурившей на вахте женщиной, которую знаю почти столько же лет. А она говорит:

- Николай Константинович, не знаю даже, как вас и наказать.

- За что?

- А что же вы столько лет не могли сказать мне, что Друнина была вашей женой?

- А почему я всем должен говорить об этом?

- Ну, не обязательно всем, но мне-то надо было сказать. Ведь я так люблю ее стихи! Многие помню наизусть! Она самая моя любимая поэтесса!

Я знаю множество врачей, актеров, художников, музыкантов, научных работников, которые обожают ее стихи.

На Съезде народных депутатов СССР после объявления перерыва М. Горбачев направился к Юле, которая стояла рядом с журналистом Г. Боровиком. Юля мне рассказала: «Я думала, что он идет к Боровику, и посторонилась. А он подошел ко мне, сказал, что знает и любит мои стихи. Тут же ко мне обратились и все члены Политбюро, конечно».

Последнее она сказала не без иронии.

Бывший министр вооруженных сил Язов не раз цитировал ее стихи в своих выступлениях и не раз беседовал с ней.

Я вспоминаю пожилую почтальоншу из Твери, которая дотошно допрашивала меня, стараясь узнать все, что мне известно о Юле. Потому что зачитывалась ее стихами.

Таков круг ее читателей.

Я знаю, что Алексей Яковлевич Каплер* относился к Юле очень трогательно. Все заботы по быту брал на себя. Он уладил ее отношения с П. Антокольским и с К. Симоновым. Он помогал ей выйти к широкому читателю. При публикации ее книг он даже обещал многие книжные магазины, договаривался о том, чтобы они делали побольше заказы на них, обещаясь, если книги будут залеживаться, немедленно выкупить их. Так, во всяком случае, мне сказали в магазине «Поэзия». Правда, они не залеживались...

Но самое главное - он сумел приучить ее к постоянному литературному труду. Если прежде она писала от случая к случаю, по вдохновению, то теперь стала много и упорно работать все время. Расширился не только круг ее тем, но и жанров: она обратилась к публицистике, к прозе.

Если посмотреть ее двухтомник, вышедший в издательстве «Художественная литература» в 1989 году, то окажется, что с 1943 года по 1960 год, за семнадцать лет, она написала вдвое меньше стихов, чем за такой же следующий отрезок времени. А если к этому прибавить написанную за эти же годы прозу, то получится, что ее «производительность» выросла вчетверо, а то и впятеро...

Но после смерти Каплера, лишившись ее

опеки, Юля, по-моему, оказалась в растерянности: у нее было немалое хозяйство - большая квартира, дача, машина, гараж, за всем этим надо было следить, постоянно прилагать усилия, чтобы поддерживать порядок и состояние имущества. Делать это она не умела, не привыкла. А переломить себя было уже трудно, точнее - невозможно. Вообще Юля не вписывалась в наступившее прагматическое время, она стала старомодной со своим романтическим характером.

У нее есть стихотворение «Кто говорит, что умер Дон Кихот?» В какой-то мере она и сама оказалась им в нынешней обстановке...

Как человек неконтактный, она быстро растеряла тех знакомых и друзей, с которыми общалась при Каплере. А новых, по сути дела, не завела. Дружила она лишь с вдовой поэта Сергея Орлова Виолеттой. Как это ни печально, имея столько друзей-читателей, она была одинока.

И уход из жизни вовсе не был делом случая. Она приняла решение, а решения она привыкла выполнять. Это не случайная вспышка отчаяния. Все было предусмотрено и продумано до мелочей.

Она написала едва ли не десяток писем: дочери, внучке, зятю, подруге Виолетте, редактору своей новой рукописи, в милицию, в Союз писателей. В письмах никого ни в чем не винила.

Написала завещание на все свое имущество. На дверях дачи оставила записку, обращенную к зятю: «Андрюша, не пугайся. Вызови милицию и вскройте гараж».

В гараже, в машине, она приняла снотворное и включила газ...

Все было учтено, все красиво, благородно и романтично... Как романтик, она нередко писала о Космосе, о необъятной Вселенной: «В каком-нибудь неведомом году / Случится это чудо непременно: / На Землю нашу, милую Звезду, / Слетятся гости изо всей Вселенной...» Или: «Звездный путь!.. И он сегодня начат. / Здравствуй, сказка детства! Я горда / Тем, что мне приходится землячкой / Только что рожденная звезда!»

Тем, что мне приходится землячкой / Только что рожденная звезда!»

Мы встретились в конце 1944 года в Литературном институте имени А. М. Горького.

После лекций я пошел ее провожать. Она, только что демобилизованный батальонный санитарструктор, ходила в солдатских кирзовых сапогах, в поношенной гимнастерке и шинели.

Ничего другого у нее не было. И хотя позже, в 1948 году, писала: «Возвратившись с фронта в сорок пятом, / Я стеснялась стоптанных сапог / И своей шинели перемятой, / Пропыленной пылью всех дорог», мне казалось, что это ее несколько не смущало - она привыкла к такой одежде настолько, что не придавала ей никакого значения...

По дороге мы взахлеб читали друг другу стихи - тогда в Литинституте это было принято, считалось нормальным, - хотя многие прохожие посматривали на нас не только с любопытством, но и с удивлением. А это нас как будто бы и не касалось.

И поскольку большинство стихов было посвящено войне, мы заговорили и о ней, о фронте...

Потом вдруг случайно перенеслись в довоенное время. И обнаружили, что в конце тридцатых годов мы оба ходили в литературную студию при Доме художественного воспитания детей, которая помещалась в здании Театра юного зрителя. Вспомнили руководителей студии - поэта-переводчика Бориса Иренина, прозаика Исаю Рахтанова, своих товарищей-студийцев, вспомнили, как нередко пропускали занятия, чтобы посмотреть какой-нибудь спектакль. А «Тома Кэнти» даже смотрели вместе... Это было в конце тридцатых годов.

Теперь нам было по двадцать лет. Она была измучена войной - полуголодным существованием, была бледна, худая и очень красива. Я тоже был достаточно заморенным. Но настроение у нас было достаточно высоким - предвзвешенным...

Через несколько дней мы сбежали с лекций, и я снова провожал ее. Мы зашли к ней домой. Она побежала на кухню и вскоре принесла мне тарелку супа. Извинилась, что нет хлеба. Я спросил:

- А себе?

- Я свою долю съела на кухне. И больше не хочу...

Суп был сильно пересолен, имел какой-то необычный темно-серый цвет. На дне тарелки плавали картофельные крохи. Я проглотил его с большим удовольствием, поскольку был голоден...

Только через пятнадцать лет, когда мы развелись и пошли после суда обмыть эту процедуру, она призналась:

- А ты помнишь, как я угощала тебя супом?

- Конечно, помню!

- А знаешь, что это было?

- Грибной суп?

Оказалось, что это был вовсе не суп, а вода, в которой ее мать варила картошку «в мундирах». А Юля только при разговоре с ней потом это выяснила.

Я спросил:

- Что же ты мне сразу-то не сказала об этом?

- Мне было стыдно, и я думала: если ты узнаешь, у нас могут испортиться отношения. Смешно, наивно, но ведь и трогательно...

Юлия Друнина была человеком очень последовательным и отважным. Выросшая в городе в интеллигентной семье, она вопреки

раз тяжелее и сложнее, чем мужчинам. У них было немало дополнительных трудностей... И хотя в газетах нередко писалось в те времена о том, что поголовно все выздоравливающие рвались из госпиталей на фронт, не всегда это соответствовало истине...

Мы были студентами второго курса, когда у нас родилась дочь Лена. Ютились в маленькой комнатке, в общей квартире жили сверхбедно, впроголодь. Теперь стало жить еще труднее. Приходилось продавать одну карточку, чтобы выкупить хоть какие-то продукты на остальные, к тому же и не очень достаточные...

А дочка, тяжело переболев в первые месяцы, нормально росла, у нее был хороший аппетит. Случалось, что она прибегала на кухню и, если там находилась плошка с варевом, предназначавшимся для котла соседки, мгновенно разделялась с ним.

Все трудности военной и послевоенной жизни Юля переносила стойко - я не слышал от нее ни одного упрека, ни одной жалобы. И ходила она по-прежнему в той же шинели, гимнастерке и сапогах еще несколько лет.

В быту она была, как, впрочем, и многие поэтессы, довольно неорганизованной. Хозяйством заниматься не любила. Хотя могла очень неплохо приготовить обед, если было из чего.

По редакциям не ходила, даже не знала, где многие из них находятся и кто в них ведает поэзией. Лишь иногда, услышав, что я или кто-то из ее однокурсников собирается пойти в какой-нибудь журнал, просила: «Слушай, занеси заодно и мои стихи».

А между тем ее фронтовые стихи, прочитанные на литературном объединении при издательстве «Молодая гвардия», которым руководил Дмитрий Кедрин, а потом появившиеся в журнале «Знамя», произвели сильное впечатление в конце войны и сразу после ее завершения.

Мы все знали ее «Зинку», постоянно цитировали ставшие сразу знаменитыми ее строки: «Я только раз видала рукопашный. / Раз наяву, и - тысячу во сне».

Или о ее девчатах, «похожих на парней», «идущих по войне...»

Перечитывая стихи сегодня, особенно военные, полвека спустя после их написания, видишь, что добрый десяток из них выдержал

А землячкой ей стала не звезда, а планета. Другая планета. Крымские астрономы Николай и Людмила Черных открыли новую малую планету, получившую порядковый номер 3804, назвали ее именем Юли. Это не только естественно вписывается в ее жизнь, но и говорит о том уважении и любви, которые живут в сердцах ее читателей и почитателей...

* Второй муж Друниной (прим. ред.)